

СЕМЬЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ВОСПРОИЗВОДСТВА И ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ НОРМ В ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ КАЗАХСТАНА

¹Эльмира ОТАР, ²Алем НЕСИПБАЕВА, ³Аяулым МАНТАЕВА

¹ НАО «Казахстанский институт общественного развития», Астана, Казахстан

²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
nesipbaevaalem1980@gmail.com

³Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Ссылка на данную статью: Отар Э.С., Несипбаева А.Ж., Мантаева А.Е. Семья как пространство воспроизводства и трансформации гендерных норм в этнических сообществах Казахстана // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №3(3). – С.108 – 130. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.30>

Аннотация. Статья посвящена исследованию семьи как пространства воспроизводства и трансформации гендерных норм в этнических сообществах Южного Казахстана. Цель исследования заключается в выявлении механизмов, посредством которых традиционные семейные практики одновременно обеспечивают сохранение этнокультурной преемственности и адаптируются к современным социальным условиям. Научная значимость работы состоит в расширении представлений о роли женщин в изменении семейных отношений в полиэтническом обществе, а практическая – в возможности использования результатов при разработке семейной, гендерной и образовательной политики.

Эмпирическую основу исследования составили материалы 139 глубинных интервью и включенного наблюдения, проведенных среди женщин узбекского, таджикского, турецкого, курдского и корейского этнических сообществ Туркестанской области и города Шымкент. Повторный анализ данных выполнен методом тематического кодирования с использованием программы MAXQDA.

В результате исследования выделены четыре взаимосвязанных механизма трансформации гендерных отношений: гендерно дифференцированная социализация детей, асимметрия распределения домашнего труда и семейного авторитета, переосмысление образования как ресурса защищенности и социальной мобильности женщин, а также переход от директивной модели семейного контроля к переговорному характеру принятия решений. Установлено, что женщины выступают не только хранительницами культурных традиций, но и активными агентами их постепенной адаптации. На основе проведенного анализа предложена модель селективной семейной модернизации, объясняющая сочетание сохранения этнокультурной идентичности с расширением возможностей женщин и молодежи без разрушения традиционных семейных ценностей.

Ключевые слова: семья; гендерные нормы; этнические сообщества; семейная социализация; женщины; селективная семейная модернизация; качественное исследование.

ОТБАСЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ҚАУЫМДАСТЫҚТАРЫНДАҒЫ ГЕНДЕРЛІК НОРМАЛАРДЫ ЖАҢҒЫРТУ ЖӘНЕ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ КЕҢІСТІГІ РЕТІНДЕ

¹Эльмира ОТАР, ²Алем НЕСІПБАЕВА, ³Аяулым МАНТАЕВА

¹ «Қазақстандық қоғамдық даму институты» КеАҚ, Астана, Қазақстан

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
nesipbaevaalem1980@gmail.com

³Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

THE FAMILY AS A SPACE FOR THE REPRODUCTION AND TRANSFORMATION OF GENDER NORMS IN THE ETHNIC COMMUNITIES OF KAZAKHSTAN

¹ Elmira OTAR, ² Alem NESIPBAYEVA, ³ Ayaulym MANTAYEVA

¹ NCJSC «Kazakhstan Institute of Public Development», Astana, Kazakhstan

²L.N. Gumilyov Eurasian National University Astana, Kazakhstan
nesipbaevaalem1980@gmail.com

³L.N. Gumilyov Eurasian National University Astana, Kazakhstan

Аңдатпа. Мақала Оңтүстік Қазақстанның этникалық қауымдастықтарындағы отбасының гендерлік нормаларды қайта өндіру және трансформациялау кеңістігі ретіндегі рөлін зерттеуге арналған. Зерттеудің мақсаты – дәстүрлі отбасылық тәжірибелердің этномәдени сабақтастықты сақтай отырып, қазіргі әлеуметтік жағдайларға бейімделу тетіктерін анықтау. Зерттеудің ғылыми маңыздылығы полиэтносты қоғам жағдайында әйелдердің гендерлік қатынастарды өзгерту үдерісіндегі рөлін тереңірек түсіндіруге бағытталса, практикалық маңыздылығы оның нәтижелерін отбасы, гендерлік теңдік және білім беру саясатын жетілдіруде қолдану мүмкіндігімен айқындалады. Зерттеудің эмпирикалық негізін Түркістан облысы мен Шымкент қаласында тұратын өзбек, тәжік, түрік, күрд және корей этникалық қауымдастықтары әйелдерімен жүргізілген 139 тереңдетілген сұхбат пен қатысушы бақылау материалдары құрайды. Деректерге қайта талдау MAXQDA бағдарламасында тақырыптық кодтау әдісі арқылы жүргізілді.

Abstract. This article examines the family as a space for the reproduction and transformation of gender norms in the ethnic communities of Southern Kazakhstan. The study aims to identify the mechanisms through which traditional family practices simultaneously preserve ethnocultural continuity while adapting to contemporary social conditions. The scientific significance of the research lies in advancing the understanding of women's role in transforming family relations within a multiethnic society, while its practical relevance is associated with the application of the findings to the development of family, gender equality, and educational policies. The empirical basis of the study consists of 139 in-depth interviews and participant observation conducted among women from Uzbek, Tajik, Turkish, Kurdish, and Korean ethnic communities living in the Turkestan Region and the city of Shymkent. The data were reanalyzed using thematic coding with the MAXQDA software.

Зерттеу нәтижесінде гендерлік қатынастардың өзгеруінің өзара байланысты төрт тетігі анықталды: балаларды гендерлік сараланған әлеуметтендіру, үй шаруашылығындағы еңбек пен отбасылық беделдің асимметриялы бөлінуі, білімнің әйелдердің әлеуметтік қорғалуын қамтамасыз ететін ресурс ретінде қайта пайымдалуы және отбасылық шешім қабылдаудың келіссөздік сипатының күшеюі. Зерттеу әйелдердің тек мәдени дәстүрлерді сақтаушы ғана емес, оларды қазіргі жағдайларға біртіндеп бейімдеудің белсенді субъектілері екенін көрсетті. Автор этномәдени сабақтастықтың сақталуын әйелдер мен жастардың мүмкіндіктерінің біртіндеп кеңеюімен ұштастыратын селективті отбасылық модернизация моделін ұсынады.

Түйін сөздер: отбасы; гендерлік нормалар; этникалық қауымдастықтар; отбасылық әлеуметтендіру; әйелдер; селективті отбасылық модернизация; сапалық зерттеу.

the reinterpretation of education as a resource for women's security and social mobility, and the transition from directive family control to negotiated decision-making. The study demonstrates that women act not only as custodians of cultural traditions but also as active agents of their gradual adaptation to contemporary realities. Based on the empirical evidence, the article proposes a selective family modernization model that explains how ethnocultural continuity is maintained alongside the gradual expansion of opportunities for women and younger generations without undermining traditional family values.

Keywords: family; gender norms; ethnic communities; family socialization; women; selective family modernization; qualitative research.

Введение

Семья остается одним из ключевых социальных институтов, в котором формируются представления о ролях мужчин и женщин, распределении ответственности, родительском авторитете, браке, воспитании детей и допустимых жизненных траекториях. Именно в повседневной семейной жизни ребенок впервые узнает, какие обязанности считаются мужскими и женскими, кто принимает решения, какие качества ожидаются от сына и дочери, как следует относиться к старшим и какое место в жизни должны занимать образование, труд и семья.

Вместе с тем семейные нормы не являются неизменными. Урбанизация, расширение образовательных возможностей, развитие рынка труда и рост экономической активности женщин создают новые условия для семейной жизни. Традиционные представления о женственности, материнстве и супружеских обязанностях начинают взаимодействовать с ценностями самостоятельности, профессионального развития и партнерства. Вместе с тем результаты общенационального исследования Казахстанского института общественного развития (далее – КИОР), свидетельствуют о том, что процессы модернизации сопровождаются сохранением устойчивых гендерных стереотипов. Так, 8,1 % женщин считают, что женщина не может быть руководителем, 30,9 % отмечают, что именно домашние обязанности ограничивают возможности профессиональной самореализации женщин, а затраты времени на неоплачиваемый домашний труд у женщин остаются в три раза выше, чем у мужчин [1. стр.73]. Это указывает на сохранение традиционного распределения семейных ролей, несмотря на расширение образовательных и профессиональных возможностей женщин.

Для полиэтнического Казахстана эта проблема имеет особое значение. Этнические сообщества стремятся сохранять родной язык, культурную память, религиозные представления, семейные обычаи и формы общения между поколе-

ниями. В этих условиях семья становится не только институтом социализации, но и основным пространством воспроизводства этнокультурной идентичности и передачи ценностей следующим поколениям. Эти процессы особенно заметны в южных регионах страны, где устойчивые этнокультурные традиции сочетаются с высокой мобильностью населения, распространением высшего образования и изменением социальных ожиданий молодежи.

Особое место в этих процессах занимают женщины. В семье на них часто возлагается основная ответственность за воспитание детей, поддержание родственных связей, передачу языка и культурных традиций. Однако женщины не только воспроизводят уже существующие нормы. Именно они принимают множество повседневных решений, которые могут постепенно изменять положение следующего поколения: поддерживают образование дочерей, допускают более свободный выбор профессии и супруга, меняют стиль воспитания, расширяют участие девочек в общественной жизни. Поэтому положение женщины в этническом сообществе нельзя сводить только к роли хранительницы традиции. Она одновременно выступает посредником между традиционными требованиями семьи и новыми социальными возможностями.

Проблема заключается в том, что сохранение этнокультурной традиции и изменение гендерных отношений нередко рассматриваются как противоположные процессы. Предполагается, что приверженность традиции обязательно препятствует расширению возможностей женщин, тогда как модернизация должна приводить к отказу от сложившихся семейных норм. Однако эмпирические данные, полученные как в общенациональных исследованиях, так и в ходе настоящего качественного исследования, позволяют увидеть более сложную картину. Изменения происходят не путем полного отказа от традиции, а через постепенное переосмысление отдельных семейных практик и их адаптацию к современным условиям.

Например, поддержка образования дочери может объясняться не только стремлением к индивидуальной карьере, но и желанием обеспечить ей самостоятельность, защищенность и устойчивое положение в будущей семье. Оплачиваемая занятость женщины может рассматриваться не как отказ от семейных обязанностей, а как вклад в благополучие домохозяйства. Расширение брачного выбора также не обязательно означает отрицание родительского авторитета: решение может приниматься самой девушкой, но при сохранении уважения к мнению старших. Следовательно, изменение гендерных норм чаще происходит не через прямой разрыв с традицией, а через ее адаптацию к новым условиям.

Теоретической основой такого понимания выступает концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Согласно этому подходу, социальный порядок формируется и поддерживается посредством повторяющихся повседневных действий. В семье гендерные различия приобретают вид естественных и самоочевидных благодаря устойчивым практикам: распределению домашних обязанностей, системе разрешений и запретов, способам принятия решений, различным требованиям к поведению мальчиков и девочек [2]. Постоянно повторяясь, эти практики закрепляются и воспринимаются членами семьи как нормальные и правильные.

Концепции габитуса и культурного капитала П. Бурдьё позволяют объяснить устойчивость таких моделей. Семья передает детям не только материальные и образовательные ресурсы, но и долговременные установки: представления об успехе, допустимой социальной мобильности, предпочтительных профессиях и жизненных путях, соответствующих мужчине или женщине [3; 4]. Усвоенные в детстве схемы становятся частью практического восприятия мира. Поэтому гендерный порядок может поддерживаться даже без открытого давления: человек сам воспринимает определенные ограничения и ожидания как естественные.

Для анализа этнических сообществ важна также концепция этнических границ Ф. Барта. Исследователь показывает, что этничность сохраняется не только благодаря общему происхождению, но и через повседневное поддержание различий между «своими» и «другими» [5]. Эти различия выражаются в языке общения, брачных предпочтениях, религиозных практиках, семейных обрядах и формах уважения к старшим. В связи с этим семья одновременно выступает гендерным и этнокультурным институтом: требования к поведению мужчин и женщин тесно связаны с представлениями о сохранении сообщества.

Н. Ювал-Дэвис обращает внимание на роль женщин в биологическом, культурном и символическом воспроизводстве этнических и национальных групп [6]. Женщинам приписывается ответственность за рождение и воспитание детей, передачу культурных норм и сохранение нравственного облика сообщества. Эта роль имеет двойственный характер. С одной стороны, она наделяет женщин моральным авторитетом как матерей и хранительниц культуры. С другой стороны, она может усиливать контроль над их брачным выбором, репродуктивным поведением, мобильностью и участием в публичной жизни.

Современная социология рассматривает трансформацию семьи как нелинейный процесс, в котором традиционные и современные нормы не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Теория множественных модерностей Шмуэля Ноаха Айзенштадта исходит из того, что модернизация не формирует единой модели общественного развития, а реализуется через различные культурные траектории, обусловленные историческими, институциональными и цивилизационными особенностями обществ. Развивая эту идею, Жозе Маурисиу Домингеш обосновывает концепцию гибридной модернизации, согласно которой современная семья формируется в результате интеграции новых социальных практик с устойчивыми традиционными ценностями, что приводит к возникновению смешанных моделей семейных отношений [7]. Исследования Эмико Отиай показывают, что изменения института семьи происходят преимущественно в форме адаптивной трансформации, при которой модернизация сопровождается не разрушением традиций, а их постепенной адаптацией к новым социально-экономическим условиям [8]. В свою очередь, концепция переговорной традиции, разработанная Стиви Джексон, Петулой Сик Ин Хо и Джин Най На, рассматривает традицию как динамичную систему, содержание которой постоянно переосмысливается в процессе внутрисемейных переговоров между супругами и поколениями [9].

Несмотря на значительный вклад указанных концепций, ни одна из них в полной мере не объясняет особенности трансформации гендерных норм в этниче-

ских сообществах Казахстана. Теория множественных модерностей раскрывает разнообразие путей развития обществ, но недостаточно учитывает внутрисемейный механизм отбора сохраняемых и изменяемых норм. Концепции гибридной модернизации и адаптивной трансформации описывают сосуществование традиционных и современных практик, однако не объясняют, почему одни элементы семейной культуры сохраняются, а другие подвергаются изменениям. Подход переговорной традиции акцентирует внимание на процессе согласования семейных ролей, тогда как теория гендерного контракта преимущественно анализирует перераспределение гендерных обязанностей.

В казахстанской научной литературе можно выделить несколько направлений изучения семьи и гендерных отношений. Первое направление связано с трансформацией семейных ценностей и ролевого распределения. Н. Б. Сапаров и Г.Т. Алимбекова показывают, что семья сохраняет высокое место в системе ценностей казахстанцев даже в условиях значительных социально-экономических изменений [10]. С. М. Жакупов, Г. К. Сланбекова и М. Н. Кунабаева выявляют сосуществование традиционных и эгалитарных моделей в казахских и русских семьях [11]. А. Иманкул и Б. Ж. Смагамбет связывают изменения брачно-семейных отношений с распространением новых представлений о гендерном равенстве, воспитании детей и супружеском партнерстве [12]. Эти исследования фиксируют общее направление трансформаций, однако в меньшей степени раскрывают повседневные механизмы, посредством которых семейные нормы подтверждаются, обсуждаются или пересматриваются.

Второе направление объединяет работы, посвященные гендерным установкам, материнству и передаче ценностей. С. Е. Дуанаева и соавторы указывают на этнокультурную обусловленность отношения казахстанских женщин к традиционным и эгалитарным моделям семьи [13]. К. Т. Ковязина рассматривает матерей как важных агентов передачи национальных ценностей, ответственных за образование, социализацию и будущее детей [14]. Эти исследования убедительно показывают посредническую роль женщины между семьей и обществом. Вместе с тем внутреннее разнообразие конкретных этнических сообществ и различия между поколениями женщин в них изучены недостаточно.

Третье направление связано с образовательной мобильностью и этнической идентичностью. А. Джанузакова и Б. Салимгереев выявили гендерно специфические связи между ресурсами родителей и образовательными достижениями детей [15]. Э. С. Отар, А. Ж. Несипбаева и Х. Беширли на материале таджикских женщин Туркестанской области показали, что семейные ожидания могут одновременно ограничивать и поддерживать образовательные стремления и профессиональную реализацию женщин [16]. Исследования курдских женщин также подчеркивают их активную роль в сохранении культурной идентичности и передаче этнокультурных ценностей будущему поколению [17]. Однако остается недостаточно изученным, какие механизмы являются общими для разных этнических групп и каким образом образовательные стратегии женщин связаны с изменением внутрисемейных отношений.

Отдельное направление составляют исследования брачности и семейного поведения. Они позволяют выявить общие демографические изменения, связанные с возрастом вступления в брак, разводимостью и формами семейной организации [18]. Однако макросоциальные показатели не дают полного представления о том, как решения обсуждаются внутри семьи, как женщины объясняют свой выбор и каким образом традиционные нормы приспособляются к современным обстоятельствам.

Результаты общенациональных исследований КИОР подтверждают наличие гендерных стереотипов на уровне казахстанского общества, однако не позволяют объяснить механизмы их формирования и сохранения внутри семьи. В этой связи качественные интервью с женщинами узбекского, таджикского, турецкого, курдского и корейского этнических сообществ позволяют перейти от описания распространенности стереотипов к анализу процессов их воспроизводства, трансформации и переосмысления в повседневных семейных практиках.

Цель исследования – выявить общие и специфические механизмы воспроизводства и трансформации гендерных норм в семьях узбекского, таджикского, турецкого, корейского и курдского этнических сообществ Южного Казахстана, а также определить роль женщин в данном процессе.

Основной исследовательский вопрос сформулирован следующим образом:

Посредством каких повседневных семейных механизмов женщины разных этнических сообществ Казахстана одновременно воспроизводят и трансформируют гендерные нормы?

Для последовательного раскрытия проблемы поставлены следующие дополнительные вопросы:

Какие гендерные нормы воспроизводятся в процессе воспитания мальчиков и девочек и как они связаны с представлениями о семейной ответственности?

Как распределяются повседневный труд, ответственность и право принятия решений между мужчинами и женщинами в исследуемых семьях?

Каким образом образование и профессиональная занятость женщин получают признание в рамках традиционных семейных ценностей?

Как меняются формы родительского контроля, брачного выбора и взаимодействия между поколениями?

Какие общие механизмы и этнокультурные особенности селективного изменения гендерных норм проявляются в пяти исследуемых сообществах?

Аналитическая модель исследования включает четыре взаимосвязанных механизма. Первый – воспроизводство гендерных норм через различающуюся социализацию мальчиков и девочек. Второй – несоответствие между значительным объемом повседневного труда женщин и сохранением символического авторитета мужчины. Третий – признание образования и занятости женщин как ресурсов семейной устойчивости. Четвертый – постепенный переход от прямого контроля к обсуждению, переговорам и согласованию решений. В результате традиция не исчезает, однако меняется ее практическое содержание. Семья сохраняет этнокультурные ценности и одновременно создает возможности для

более самостоятельного участия женщин в образовательной, профессиональной и общественной жизни.

Методология

Исследование основано на качественном подходе и выполнено в рамках грантового проекта AP14870213 «Женщины этнических сообществ как каналы воспроизводства и формирования гражданской и этнической идентичности (на примере Туркестанской области и г. Шымкент)». Эмпирическую базу составили 139 нарративных глубинных интервью с женщинами узбекского, таджикского, турецкого, курдского и корейского этнических сообществ в возрасте от 18 до 75 лет, имеющими опыт воспитания детей. Отбор осуществлялся методом целенаправленной выборки с использованием техники «снежного кома» до достижения тематического насыщения. Анализ данных проводился методом тематического анализа с соблюдением принципов добровольного участия, анонимности и конфиденциальности.

Анализ проводился в программе MAXQDA методом тематического кодирования. Последовательно осуществлялись выделение смысловых единиц, открытое кодирование, объединение кодов в аналитические категории и межгрупповое сравнение, что позволило выявить устойчивые механизмы воспроизводства и трансформации гендерных норм в различных этнических сообществах. В целях соблюдения этических принципов все данные были обезличены.

Основная часть

Гендерно дифференцированная социализация: воспроизводство нормы через повседневность

Анализ интервью представительниц пяти исследуемых этнических сообществ показывает, что семья выступает основным пространством первичной социализации. Гендерные нормы передаются не только посредством прямых наставлений, но и через участие детей в домашнем труде, наблюдение за распределением ролей между взрослыми, а также включение в религиозные и семейные практики. Регулярное воспроизведение подобных моделей способствует их восприятию в качестве естественного порядка, а не как специально установленных ограничений.

В анализируемых интервью наиболее отчетливо гендерная дифференциация проявлялась в нарративах участниц из узбекских, таджикских и турецких семей. Девочек чаще готовили к будущим ролям жены, матери и снохи, связывая более строгие требования к их поведению с представлениями о скромности, безопасности и семейной репутации. Показательным является высказывание одной из участниц: «Нет никакой разницы. Все то же самое. К девочкам немного строже подходишь» (узбечка, 45 лет, повар). Внутренняя противоречивость данного высказывания отражает механизм нормализации гендерных различий: наличие неодинаковых требований признается, однако не интерпретируется самой участницей как проявление неравенства.

В другом интервью воспитание дочери непосредственно связывалось с ее будущим переходом в семью супруга: «Девочек воспитываем более строго. В любом

случае, будет невесткой в другом доме» (узбечка, 52 года, учительница). В данном нарративе поведение девочки в родительской семье оценивается с учетом предполагаемых ожиданий будущей родственной группы. Следовательно, гендерная социализация приобретает перспективный характер и ориентируется на подготовку дочери к выполнению ожидаемых семейных ролей, а также на предотвращение возможного порицания со стороны родственников и сообщества.

В интервью таджикских участниц домашний труд выступал одним из значимых каналов передачи представлений о женской роли. Девочек раньше и регулярнее включали в приготовление пищи, уборку и заботу о младших членах семьи. В отдельных нарративах воспитание организовывалось по однополюму межпоколенческому принципу: «Я считаю, что лучше, если девочек воспитывает мать» (таджичка, 41 год, учительница). В рамках такой модели мать передает дочери практические знания о повседневных обязанностях и нормативных ожиданиях, связанных с женской ролью, тогда как отец преимущественно сохраняет дисциплинарный авторитет в отношении сыновей.

В интервью корейских участниц, особенно проживающих в межэтнических семьях, социализация чаще описывалась через личный пример взрослых и предоставление детям определенной свободы выбора. Норма уважения к старшим передавалась посредством наблюдения за повседневным поведением родителей: «Мы всегда здороваемся с людьми на нашей улице... наши дети привыкли к этому и следуют примеру» (корейка, 46 лет, самозанятая). В таких нарративах культурная преемственность поддерживается преимущественно через воспроизведение семейных практик и личный пример, без столь выраженного гендерного разграничения обязанностей.

Сопоставительный анализ интервью позволяет выделить общий механизм: матери преимущественно выступают основными организаторами повседневной социализации детей, тогда как отцы чаще сохраняют символическую позицию окончательного семейного авторитета. Различие между практическим участием в организации семейной жизни и признанным статусом в структуре семейной власти становится основанием для анализа асимметрии заботы и авторитета.

Асимметрия заботы и авторитета: женщина выполняет, мужчина санкционирует

Материалы глубинных интервью свидетельствуют, что во многих исследуемых семьях повседневная ответственность и право принятия стратегически значимых решений распределяются между супругами неравномерно. В анализируемых нарративах женщины связывали свою семейную роль с ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, эмоциональной поддержкой семьи, сохранением языка, семейных традиций и религиозных практик. При этом мужчина продолжал восприниматься как глава семьи, обладающий правом окончательного решения по наиболее значимым вопросам.

Таким образом, объем повседневного труда и символический авторитет в семье не всегда совпадают. Женщина обеспечивает повседневное функционирование семьи, тогда как мужчина чаще выступает субъектом, санкционирующим

решения, связанные с образованием детей, профессиональной деятельностью супруги, крупными финансовыми расходами и брачным выбором.

Наиболее отчетливо данная модель проявлялась в интервью представительниц турецкого сообщества. Длительная занятость мужчин или их временное отсутствие приводили к тому, что матери самостоятельно организовывали повседневную жизнь семьи, однако это не сопровождалось изменением статуса мужчины как главы семьи. Аналогичные позиции встречались в интервью таджикских и узбекских участниц, описывавших более раннее включение девочек в домашний труд и их подготовку к будущей роли супруги и матери: «Девочек воспитываем более строго. В любом случае, будет невесткой в другом доме» (узбечка, 52 года, учительница).

В интервью участниц различных исследуемых групп неоднократно встречалась позиция, согласно которой требования к поведению девочек остаются более строгими, чем к мальчикам. Одна из участниц отмечала: «К девочкам немного строже подходишь» (узбечка, 45 лет, повар), другая конкретизировала: «Много не гулять, не выходить поздно вечером... в клубы не ходят» (узбечка, 45 лет, повар). Эти высказывания показывают, что гендерная дифференциация формируется уже в процессе семейной социализации и рассматривается как подготовка девочек к будущей семейной жизни и сохранению репутации семьи.

Вместе с тем анализ интервью показывает, что неравномерное распределение семейных ролей не исключает влияния женщины на принятие решений. Постоянное участие матери в воспитании детей способствует постепенному переосмыслению традиционных норм. Во многих интервью женщины рассказывали о ежедневном взаимодействии с детьми, контроле их учебы, круга общения и использования цифровых технологий. По сравнению с предыдущим поколением они значительно чаще учитывают мнение ребенка. Как отмечалось в одном из интервью: «Раньше достаточно было слова родителей, которое становилось окончательным решением, а сейчас к детям так обращаться уже нельзя. Мнение детей учитывается, однако последнее слово все еще остается за родителями».

В анализируемых интервью устойчиво проявлялась тема изменения подходов к воспитанию сыновей. Матери подчеркивали необходимость воспитывать уважительное отношение к женщинам, отказ от насилия и стремление к диалогу, что свидетельствует о постепенном дополнении традиционной модели мужского лидерства требованиями эмоциональной ответственности и партнерского поведения.

Изменения прослеживаются и в воспитании дочерей. Несмотря на сохранение традиционных требований к поведению девушек, во многих интервью встречалась позиция о необходимости развивать самостоятельность и способность открыто выражать собственное мнение. Показательно высказывание молодой участницы: «Для меня ненормально, если человек не может высказать свое мнение... Человек должен уметь сказать, что ему нравится, а что нет. Надо уметь выражать свои мысли» (узбечка, 34 года, самозанятая). Эти высказывания отражают постепенное переосмысление традиционной модели женского воспитания, в которой послушание начинает сочетаться с развитием субъектности.

Еще одним направлением трансформации становится отношение к образованию дочерей. Значительная часть участниц рассматривала образование как важный ресурс будущего благополучия семьи. Одна из респонденток отмечала: «Самое важное – это мир, второе – дружба, третье – надо учиться, книги нужно читать» (узбечка, 74 года, пенсионерка), а другая связывала свою жизненную миссию с воспитанием образованного поколения: «Для меня самое важное – оставить после себя сознательное, образованное поколение» (узбечка, 45 лет, научный сотрудник).

Материалы интервью также показывают, что расширение образовательных возможностей детей не всегда сопровождается перераспределением права окончательного решения. В отдельных нарративах молодые матери поддерживали обучение детей за рубежом, однако отмечали, что окончательное решение остается за отцом, что свидетельствует о сохранении символического мужского авторитета.

Таким образом, анализ интервью позволяет уточнить представление о современном патриархальном семейном порядке. Его устойчивость обеспечивается не только признанием мужского лидерства, но и высокой ответственностью женщин за повседневное воспроизводство семьи. Именно через воспитание детей, поддержку образования и организацию семейной жизни женщины постепенно изменяют содержание гендерных норм, сохраняя культурную преемственность.

Следовательно, выявленная асимметрия носит двойственный характер. С одной стороны, женщины несут основную нагрузку по воспроизводству семьи, сохраняя менее выраженный символический статус. С другой стороны, именно их повседневные практики делают женщин ключевыми агентами селективной семейной модернизации, обеспечивая постепенную трансформацию гендерных отношений без отказа от культурных и семейных ценностей.

Образование как социально приемлемый язык расширения женской субъектности

Анализ интервью свидетельствует, что образование девушек является одной из сфер, в которых наиболее отчетливо проявляется трансформация традиционных гендерных представлений. В интервью представительниц узбекского, таджикского, турецкого, курдского и корейского этнических сообществ образование рассматривалось как значимый ресурс благополучия женщины и ее семьи. При этом получение образования обосновывалось не только стремлением к личной карьере, но и возможностью обеспечить экономическую устойчивость семьи, повысить защищенность женщины, участвовать в воспитании детей и укреплять социальное положение семьи.

Материалы интервью показывают, что образование связывается с формированием ответственного и сознательного поколения. Подобные представления встречались как в интервью молодых женщин, так и представительниц старшего поколения. Одна из участниц отмечала:

«Самое важное – это мир, второе – дружба, третье – надо учиться, книги нужно читать» (узбечка, 74 года, пенсионерка).

Это высказывание показывает, что образование стало частью системы семейных ценностей и рассматривается как условие благополучия будущих поколений.

Во многих интервью женщины связывали свою жизненную миссию с воспитанием образованных и социально ответственных детей:

«Для меня самое важное – оставить после себя сознательное, образованное, благодарное поколение» (узбечка, 45 лет, научный сотрудник).

Подобная позиция отражает расширение материнской роли: наряду с воспитанием детей и передачей культурных традиций женщина воспринимает себя как носителя образовательного и культурного капитала семьи.

Анализ интервью показывает, что именно матери преимущественно организуют образовательную траекторию детей: контролируют учебу, обсуждают школьные и профессиональные планы, регулируют использование цифровых технологий и формируют самостоятельность. Эти практики свидетельствуют о расширении ответственности женщин за социализацию детей в современных условиях.

Важное место в семейном воспитании занимает культура чтения. Как отмечала одна из участниц:

«Она любит читать книги. Бывает, что в одной руке книга, а другой пылесосит. Я говорю: "Займись одним делом – бери книгу и читай"» (узбечка, 60 лет, продавщица).

Этот пример показывает, что образовательные практики сочетаются с традиционным воспитанием девочек, а чтение рассматривается как самостоятельная ценность, способствующая интеллектуальному развитию ребенка.

Материалы интервью выявляют поколенческие различия в представлениях об образовательной мобильности детей. Представительницы старшего поколения чаще предпочитали обучение детей в Казахстане и сохранение их близости к семье. Молодые женщины, напротив, выражали готовность поддержать обучение в другом городе или за рубежом, если это соответствует интересам ребенка. Вместе с тем в отдельных интервью подчеркивалось, что окончательное решение остается за отцом, что свидетельствует о сохранении символического мужского авторитета.

Первичные материалы позволяют предположить, что образование постепенно изменяет положение женщины внутри семьи. Наличие профессии и собственного дохода усиливает ее участие в обсуждении образовательной и профессиональной траектории детей. Однако профессиональная занятость не сопровождается пропорциональным сокращением домашних обязанностей, поэтому расширение женской субъектности происходит быстрее, чем перераспределение семейного труда.

Поколенческие изменения проявляются и в воспитании дочерей. Если представительницы старшего поколения чаще подчеркивали необходимость соблюдения традиционных норм поведения, то молодые женщины говорили о важности самостоятельности и способности открыто выражать собственное мнение. Одна из участниц отмечала:

Таким образом, анализ интервью позволяет рассматривать образование как один из наиболее социально приемлемых механизмов расширения женской субъектности в исследуемых этнических сообществах. Получение образования не противопоставляется семейным и этнокультурным ценностям, а рассматривается как ресурс благополучия семьи, воспитания детей и расширения жизненных возможностей дочерей при сохранении культурной преемственности и уважения к старшим.

От контроля к переговорам: брачный выбор и межпоколенческая адаптация норм

Анализ интервью показывает, что институт брака продолжает выступать одним из ключевых механизмов воспроизводства этнокультурных норм. При выборе будущего супруга участницы упоминали мнение родителей, репутацию семьи, этническую принадлежность партнера и уважение к старшим. Вместе с тем первичные материалы свидетельствуют о постепенной трансформации семейных решений: безусловное подчинение родительскому авторитету, характерное для старшего поколения, все чаще сменяется обсуждением и согласованием позиций между родителями и детьми.

Во многих интервью отмечалось, что в период взросления самих участниц решения родителей практически не обсуждались. Сегодня эта модель становится более гибкой:

«Раньше достаточно было слова родителей, которое становилось окончательным решением, а сейчас к детям так обращаться уже нельзя. Мнение детей учитывается, однако последнее слово все еще остается за родителями».

Этот фрагмент показывает, что меняется не столько родительский авторитет, сколько способы его реализации. Родители продолжают играть ведущую роль, однако все чаще объясняют свою позицию и учитывают мнение детей. Семейный авторитет приобретает переговорный характер, сохраняя традиционную иерархию [19].

Наиболее заметно эти изменения проявляются в вопросах брачного выбора. Если представительницы старшего поколения рассказывали о значительном влиянии родителей и родственников на собственный выбор супруга, то в интервью молодых женщин родители чаще выступают советчиками, оценивают избранника и его семью, однако окончательное решение в большей степени принимают сами молодые люди.

Материалы интервью также показывают, что развод постепенно перестает восприниматься как безусловно недопустимый исход брака. Многие участницы противопоставляли прежнюю установку на сохранение брака любой ценой современной готовности родителей поддержать дочь в ситуации насилия или неблагополучных отношений. Это свидетельствует о смещении приоритета от формального сохранения семьи к безопасности и благополучию женщины.

Изменение механизмов семейного контроля проявляется и в воспитании дочерей. Несмотря на сохранение традиционных требований к поведению девушек, молодые матери все чаще подчеркивают необходимость развивать самостоятельность, способность к открытому диалогу и ответственность за собственный выбор. Показательно высказывание одной из участниц:

«Для меня ненормально, если человек не может высказать свое мнение... Человек должен уметь сказать, что ему нравится, а что не нравится. Надо уметь выражать свои мысли» (узбечка, 34 года, самозанятая).

Это высказывание отражает изменение представлений о женском воспитании: традиционные качества – послушание и ответственность – начинают сочетаться с уверенностью в себе, самостоятельностью и способностью отстаивать собственную позицию. При этом развитие субъектности не рассматривается как отказ от традиционных ценностей.

Материалы интервью показывают, что уважение к старшим сохраняет значение одной из базовых семейных норм. Даже сторонницы большей самостоятельности детей подчеркивали необходимость учитывать жизненный опыт родителей. Поэтому происходящие изменения отражают не разрушение семейного авторитета, а изменение способов его воспроизводства.

Во многих семьях воспитание все чаще строится не на запретах, а на постоянном общении и обсуждении возникающих вопросов. При этом право окончательного решения по наиболее значимым вопросам нередко сохраняется за родителями или отцом, однако само включение мнения ребенка свидетельствует о постепенном переходе от директивной модели семейного контроля к переговорной.

Особый интерес представляет опыт корейских семей. Если в интервью узбекских, таджикских, турецких и части курдских участниц этническая принадлежность будущего супруга сохраняла важное значение, то корейские женщины чаще связывали сохранение этнокультурной идентичности с семейными праздниками, национальной кухней, памятью о предках и уважением к старшим. Это показывает, что культурная преемственность может поддерживаться не только посредством контроля брачного выбора, но и через повседневные культурные практики.

В интервью таджикских участниц встречались разные оценки родственных браков. Одни рассматривали их как способ укрепления родственных связей, другие объясняли отказ современными медицинскими знаниями и признанием права молодых людей самостоятельно выбирать супруга. Это свидетельствует о том, что традиционные нормы становятся предметом обсуждения и индивидуального выбора.

Таким образом, анализ интервью показывает, что трансформация семейных отношений носит постепенный и переговорный характер. Новые воспитательные и брачные практики не противопоставляются традиционным ценностям, а рассматриваются как способ обеспечить благополучие семьи и безопасность детей. Семейный авторитет сохраняется, однако становится менее директивным, сочетаясь с признанием права детей на образование, собственное мнение и участие в выборе жизненной траектории. Такая модель селективной семейной модернизации позволяет одновременно сохранять культурную преемственность и расширять пространство самостоятельности женщин и молодежи.

Таблица-1. Механизмы воспроизводства и трансформации гендерных норм

Механизм	Воспроизводство нормы	Источник трансформации	Наблюдаемый результат
Социализация детей	Разные ожидания и обязанности для мальчиков и девочек	Рефлексия матерей над собственным опытом	Смягчение контроля; больше права голоса у дочерей
Забота и авторитет	Женщина отвечает за быт и воспитание; мужчина санкционирует решения	Повседневное влияние матери; экономический вклад женщины	Рост фактического участия женщин при сохранении символического мужского лидерства
Образование	Образование согласуется с семейными приоритетами	Понимание образования как защиты и устойчивости	Расширение профессиональных траекторий девушек без отказа от семейной ориентации
Брачные нормы	Предпочтение одобряемого семьей и/или внутригруппового брака	Переговоры, медицинские знания, межэтнический опыт	Переход от принуждения к согласованию; вариативность границ
Культурная преемственность	Язык, религия, ритуалы, уважение к старшим	Символические и бытовые формы передачи культуры	Сохранение идентичности при более гибких гендерных практиках

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что именно семья является главным пространством формирования и воспроизводства гендерных норм. Представления о том, какой должна быть женщина, мужчина, дочь или сын, передаются не столько через прямые наставления, сколько через повседневные семейные практики: распределение домашних обязанностей, воспитание детей, принятие решений, организацию семейной жизни и соблюдение традиций. Именно в ежедневном взаимодействии дети усваивают модели поведения, которые впоследствии воспринимаются как естественные и правильные [2].

Материалы исследования показывают, что во всех изученных этнических сообществах женщины продолжают выполнять основную часть неоплачиваемой домашней работы, несут ответственность за воспитание детей, сохранение языка, семейной памяти, традиций и обрядов. При этом окончательные решения по наиболее важным вопросам – выбору профессии, месту обучения, браку или крупным семейным расходам – во многих семьях по-прежнему принимаются мужчинами или старшими членами семьи. Такое сочетание ответственности и ограниченного участия в распределении власти формирует устойчивый семейный порядок, который воспроизводится из поколения в поколение.

Эти результаты согласуются с концепцией П. Бурдьё о **габитусе**. Согласно данной теории, люди воспринимают привычные модели поведения как естественные, поскольку они усваиваются с детства и ежедневно подтверждаются семейной практикой [3; 4]. Именно поэтому многие женщины не рассматривают

существующее распределение обязанностей как проявление неравенства. Для них оно воспринимается как нормальный порядок семейной жизни.

Вместе с тем исследование показывает, что женщины являются не только хранительницами традиций, но и активными участниками их изменения. Этот вывод развивает подход Н. Ювал-Дэвис, согласно которому женщины выступают важнейшими субъектами воспроизводства этнических сообществ [5]. Материалы интервью показывают, что именно женщины ежедневно принимают решения о том, какие нормы следует сохранить без изменений, какие можно адаптировать к современным условиям, а какие уже утратили свою актуальность.

Так, большинство респонденток продолжает воспитывать уважение к старшим, семейную сплоченность и этнокультурные традиции, однако одновременно поддерживает получение дочерьми высшего образования, возможность профессиональной реализации и более открытый диалог между родителями и детьми. Молодые матери считают важным воспитывать у девочек не только скромность и ответственность, но и способность выражать собственное мнение, самостоятельно принимать решения и защищать свои интересы. Таким образом, женщины становятся посредниками между традицией и современностью.

Сравнение пяти этнических сообществ показало, что сохранение этнокультурной идентичности может происходить разными способами. В узбекских, таджикских, турецких и частично курдских семьях значительную роль продолжают играть внутригрупповые брачные предпочтения, семейный контроль и религиозные нормы. В корейских семьях идентичность чаще сохраняется через язык, семейные праздники, национальную кухню, рассказы о предках и повседневные культурные практики. Это свидетельствует о том, что сохранение этнической идентичности не всегда требует жесткого контроля над брачным выбором или поведением женщин. Культурная преемственность может поддерживаться и посредством символических семейных практик.

Материалы настоящего исследования позволяют предложить концепцию **селективной семейной модернизации**. Под **селективной семейной модернизацией** мы понимаем процесс постепенного обновления семейных отношений, при котором изменяются не все элементы традиционной системы одновременно, а лишь отдельные ее компоненты. Одни нормы трансформируются достаточно быстро, тогда как другие продолжают сохраняться практически без изменений [20].

В отличие от существующих подходов, она исходит из того, что модернизация носит **избирательный характер**: женщины этнических сообществ сохраняют традиционные представления о семье, родственных обязательствах и культурной идентичности, одновременно трансформируя нормы, связанные с образованием, профессиональной самореализацией, воспитанием детей и участием в принятии семейных решений. Такой подход позволяет рассматривать семью не как пространство противостояния традиции и модерности, а как механизм их одновременного воспроизводства и адаптации.

Именно поэтому данный процесс можно назвать **селективным** (избирательным). Семья не отказывается от традиционной модели полностью, а выборочно

принимает те изменения, которые воспринимаются как полезные для благополучия семьи и не угрожают ее культурной идентичности.

Полученные результаты согласуются с выводами исследования КИОР, согласно которым традиционные представления о распределении семейных обязанностей продолжают ограничивать профессиональную самореализацию женщин. Однако проведенное исследование позволяет уточнить данный вывод. Интервью показывают, что речь идет не о полном сохранении традиционной модели семьи, а об **избирательной трансформации отдельных семейных норм**. В этнических сообществах одновременно поддерживается получение женщинами образования и профессиональной реализации, но сохраняются ожидания относительно их ведущей ответственности за воспитание детей, уход за старшими родственниками и поддержание внутрисемейных отношений. Именно эта двойственность позволяет говорить о процессе **селективной семейной модернизации**.

Быстрее всего меняются представления об образовании девушек. Практически все респондентки считают получение высшего образования необходимым условием успешной жизни дочери. Значительно чаще поддерживается профессиональная занятость женщин, особенно если она способствует улучшению материального положения семьи. Молодые родители также чаще учитывают мнение детей при выборе профессии и будущего супруга.

В то же время значительно медленнее меняются отношения, связанные с распределением домашнего труда и семейной власти. Несмотря на образование и занятость, женщины продолжают выполнять основную часть домашних обязанностей, заботиться о детях и пожилых родственниках. Во многих семьях сохраняется представление о мужчине как об основном лице, принимающем окончательные решения. Таким образом, новые возможности женщин не сопровождаются столь же быстрым перераспределением семейной ответственности.

Именно это сочетание традиционных и современных элементов формирует **гибридную семейную модель**. В таких семьях женщина может иметь высшее образование, работать, участвовать в общественной жизни и одновременно сохранять полную ответственность за домашнее хозяйство, воспитание детей и поддержание семейных традиций. Иными словами, модернизация касается прежде всего возможностей женщины, тогда как структура семейных обязанностей изменяется значительно медленнее.

Полученные результаты согласуются с исследованиями казахстанских ученых, которые отмечают сосуществование традиционных и эгалитарных ценностей в современных семьях Казахстана [10–15]. Вместе с тем проведенное исследование позволяет объяснить механизм подобных изменений. Интервью показывают, что новые социальные практики получают поддержку лишь тогда, когда они объясняются через интересы семьи.

Так, образование дочери рассматривается не как проявление индивидуализма, а как гарантия ее будущей независимости и благополучия семьи. Работа женщины воспринимается как вклад в семейный бюджет. Право ребенка самостоятельно выбрать профессию или супруга объясняется необходимостью вос-

питать ответственного человека. Участие женщин в общественной жизни также интерпретируется как продолжение их заботы о семье и местном сообществе. Благодаря такой интерпретации новые модели поведения не воспринимаются как отказ от традиционных ценностей, что снижает напряженность между модернизацией и культурной преемственностью.

Проведенное исследование позволяет сделать три теоретически важных вывода.

Во-первых, женщины выступают не только хранительницами традиций, но и активными агентами социальных изменений. Их влияние реализуется преимущественно внутри семьи через воспитание детей, организацию повседневной жизни и передачу культурных норм.

Во-вторых, трансформация гендерных отношений происходит **неравномерно**. Наиболее быстро изменяются установки, связанные с образованием, профессиональной деятельностью и правом женщин на самореализацию. Значительно медленнее меняются распределение домашнего труда, семейной ответственности и власти.

В-третьих, результаты исследования показывают, что сохранение этнокультурной идентичности и расширение возможностей женщин не являются взаимоисключающими процессами. Напротив, современные семьи все чаще находят способы сочетать культурную преемственность с постепенным обновлением гендерных отношений.

На основании проведенного анализа можно предложить следующую модель селективной семейной модернизации:

Предложенная модель показывает, что изменения происходят не через отказ от традиционной семьи, а через постепенное переосмысление ее внутренних ролей и функций. Именно поэтому модернизация семейных отношений в

исследуемых этнических сообществах носит **селективный**, последовательный и эволюционный характер.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности воспроизводства и трансформации гендерных норм в этнических сообществах Южного Казахстана на примере узбекских, таджикских, турецких, курдских и корейских семей. Полученные результаты показывают, что семья остается ключевым институтом, в котором одновременно сохраняются культурные традиции и происходят постепенные социальные изменения. Именно в семье формируются представления о распределении ролей между мужчинами и женщинами, передаются нормы поведения, воспитываются ценности и определяется отношение к образованию, труду, браку и воспитанию детей.

Исследование показало, что воспроизводство традиционных гендерных ролей продолжается через повседневные семейные практики. Женщины по-прежнему несут основную ответственность за воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, сохранение родного языка, семейной памяти, этнических традиций и культурных обрядов. Мужчины в большинстве семей сохраняют символическую роль главы семьи и обладают более высоким уровнем участия в принятии наиболее значимых решений. Таким образом, традиционная модель семьи продолжает оставаться важной основой социальной организации исследуемых этнических сообществ.

Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о постепенной трансформации гендерных отношений. Наиболее заметные изменения происходят в сфере образования девушек, профессиональной занятости женщин, воспитания детей и внутрисемейного взаимодействия. Практически все респондентки рассматривают получение образования как необходимое условие успешного будущего дочерей и поддерживают их стремление к профессиональной самореализации. Одновременно меняются подходы к воспитанию детей: родители все чаще стремятся учитывать мнение дочерей и сыновей, обсуждать с ними важные жизненные решения и переходить от модели безусловного подчинения к диалогу и взаимному уважению.

Одним из основных выводов исследования является то, что женщины выступают не только хранительницами этнокультурных традиций, но и активными участницами их постепенного обновления. Именно через повседневное воспитание детей, организацию семейной жизни и передачу культурных ценностей женщины определяют, какие традиции сохраняются без изменений, какие адаптируются к современным условиям, а какие постепенно утрачивают свое значение. Такой механизм позволяет говорить о селективной семейной модернизации – процессе, при котором изменения происходят постепенно и затрагивают прежде всего те элементы семейной жизни, которые воспринимаются как необходимые для благополучия семьи, не разрушая при этом ее культурную основу.

Исследование также показало, что трансформация семейных отношений происходит неравномерно. Быстрее изменяются установки, связанные с образованием, профессиональной деятельностью женщин и расширением возможностей

молодых людей. Значительно медленнее меняются распределение домашнего труда, семейной ответственности и принятие окончательных решений. В результате современные семьи все чаще сочетают традиционные ценности с новыми социальными практиками, формируя гибридные модели семейных отношений.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке государственной семейной политики, программ поддержки женщин, молодежной политики и образовательных инициатив. Исследование показывает, что продвижение гендерного равенства будет более эффективным, если оно будет учитывать культурную специфику этнических сообществ и опираться на ценности семьи, взаимной ответственности и благополучия детей. Поддержка женского образования, профессиональной занятости, ответственного отцовства и равного участия членов семьи в принятии решений может способствовать укреплению как гендерного равенства, так и семейной устойчивости.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением географии исследования, включением в анализ взглядов мужчин и молодежи, сравнением городских и сельских семей, а также изучением влияния цифровизации, миграционных процессов и социально-экономических изменений на трансформацию гендерных отношений в этнических сообществах Казахстана и стран Центральной Азии. Проверка предложенной модели селективной семейной модернизации на более широкой выборке позволит глубже понять механизмы сочетания культурной преемственности и социальных изменений в современных семьях.

Список литературы

1. Казахстанский институт общественного развития. **Гендерная политика в Казахстане: общественное мнение и эффективность государственной политики: аналитический доклад**. Астана: НАО «Казахстанский институт общественного развития», 2025. – 100 с.
2. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books, 1966.
3. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
4. Bourdieu P. The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. J.G. Richardson. New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
5. Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown, 1969. – P. 9 – 38.
6. Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: Sage, 1997.
7. Domingues J.M. Family, Modernization and Sociological Theory // *Estudios Sociológicos*. 2016. Vol. 34. No. 100. – P. 145–167.
8. Ochiai E. The Logic of Global Family Change in Transforming Modernity // *Japanese Sociological Review*. 2013. Vol. 64. No. 4. – P. 533–552.
9. Jackson S., Ho P.S.Y., Na J. Reshaping Tradition? Women Negotiating the Boundaries of Tradition and Modernity // *The Sociological Review*. 2013. Vol. 61. No. 4. – P. 667–687.
10. Сапаров Н.Б., Алимбекова Г.Т. Семейные ценности в условиях социально-экономических изменений в Казахстане // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. 2019. Т. 68. № 1. С. 184–193. DOI: 10.26577/JPoS.2019.v68.i1.018.

11. Жакупов С.М., Сланбекова Г.К., Кунанбаева М.Н. Кросскультурная специфика ролевого функционирования семьи // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2012. Т. 43. № 11.
12. Иманқұл А., Смағамбет Б. Трансформация института семьи: социологический анализ новых изменений в брачно-семейных отношениях // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2024. Т. 90. № 3. DOI: 10.26577/JPsS.2024.v90.i3.06.
13. Дуанаева С.Е., Шоманбаева А.О., Байжуманова Б.Ш., Усенова А.М., Ешенкулова Д.Б. Исследование отношения к гендерно-ролевым моделям семьи в структуре гендерного самосознания казахстанских женщин // Вестник ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. Серия Педагогика. Психология. Социология. 2023. № 145(4). – С. 273–281.
14. Kovyazina K.T. Mothers as Nation-Building Agents in Kazakhstan: The Effect of Neoliberalism // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2024.
15. Джанузакова А., Салимгереев Б. Межпоколенная образовательная мобильность внутренних мигрантов: влияние пола и структуры семьи // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2024. Т. 89. № 2. DOI: 10.26577/JPsS.2024.v89.i2.07.
16. Отар Э.С., Несипбаева А.Ж., Беширли Х. Этникалық қауымдастықтардағы әйелдердің гендерлік теңсіздігі және білім беру ұмтылыстары: Түркістан өңіріндегі тәжік әйелдерінің мысалында // ҚазҰУ Хабаршысы. Психология және әлеуметтану сериясы. 2025. Т. 93. № 2. – С. 116–126. DOI: 10.26577/JPsS2025932010.
17. Тынгишева Н.М. Роль курдских женщин Казахстана в формировании идентичности будущего поколения. Астана: ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, 2024.
18. Iskakova Zh., Kalashnikova N., Kaumenova E. Marriage in Kazakhstan: Retrospective Analysis and Trends // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2023. Vol. 141. No. 4. – P. 36–45.
19. Отар Э.С., Ким Г.Н., Садвокасова А.К., Накипбаева Ж.А., Көміртай А.Е. Женщины этнических сообществ как каналы воспроизводства и формирования гражданской и этнической идентичности: на примере Туркестанской области и г. Шымкент. Астана: Институт прикладных этнополитических исследований, 2024. – 284 с.
20. Kim K.D. Selective Modernization and Alternative Modernities: In Search of an Alternative Theory // **National Academy of Sciences Journal of Humanities and Social Sciences**. 2008. Vol. 47. No. 2. – P. 105–161.

Transliteration

21. Kazakhstan Institute for Public Development. Gender Policy in Kazakhstan: Public Opinion and the Effectiveness of State Policy: Analytical Report. Astana: NJSC “Kazakhstan Institute for Public Development”, 2025. 100 p.
22. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966.
23. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
24. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. J.G. Richardson. New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
25. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Boston: Little, Brown, 1969. – P. 9 – 38.
26. Yuval-Davis N. Gender and Nation. London: Sage, 1997.
27. Domingues J.M. Family, Modernization and Sociological Theory // *Estudios Sociológicos*. 2016. Vol. 34. No. 100. – P. 145–167.

28. Ochiai E. The Logic of Global Family Change in Transforming Modernity // *Japanese Sociological Review*. 2013. Vol. 64. No. 4. – P. 533–552.
29. Jackson S., Ho P.S.Y., Na J. Reshaping Tradition? Women Negotiating the Boundaries of Tradition and Modernity // *The Sociological Review*. 2013. Vol. 61. No. 4. – P. 667–687.
30. Saparov N.B., Alimbekova G.T. Family Values in the Context of Socio-Economic Changes in Kazakhstan. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2019. Vol. 68. No. 1. P. 184–193. DOI: 10.26577/JPoS.2019.v68.i1.018.
31. Zhakupov S.M., Slanbekova G.K., Kunanbayeva M.N. Cross-Cultural Specificity of Family Role Functioning. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2012. Vol. 43. No. 11.
32. Imankul A., Smagambet B. Transformation of the Family Institution: A Sociological Analysis of New Changes in Marital and Family Relations. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2024. Vol. 90. No. 3. DOI: 10.26577/JPoS.2024.v90.i3.06.
33. Duanaeva S.E., Shomanbayeva A.O., Baizhumanova B.Sh., Usenova A.M., Eshenkulova D.B. Study of Attitudes towards Gender Role Models of the Family in the Structure of Gender Self-Identity of Kazakhstani Women. Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pedagogy. Psychology. Sociology Series. 2023. No. 145(4). P. 273–281.
34. Kovyazina K.T. Mothers as Nation-Building Agents in Kazakhstan: The Effect of Neoliberalism // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2024.
35. Dzhanzuzakova A., Salimgereev B. Intergenerational Educational Mobility of Internal Migrants: The Impact of Gender and Family Structure. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2024. Vol. 89. No. 2. DOI: 10.26577/JPoS.2024.v89.i2.07.
36. Otar E.S., Nesipbayeva A.Zh., Beshirli H. Gender Inequality and Educational Aspirations of Women in Ethnic Communities: The Case of Tajik Women in the Turkistan Region. Bulletin of KazNU. Psychology and Sociology Series. 2025. Vol. 93. No. 2. P. 116–126. DOI: 10.26577/JPoS2025932010.
37. Tyngisheva N.M. The Role of Kurdish Women of Kazakhstan in Shaping the Identity of the Future Generation. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2024.
38. Iskakova Zh., Kalashnikova N., Kaumenova E. Marriage in Kazakhstan: Retrospective Analysis and Trends // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2023. Vol. 141. No. 4. – P. 36–45.
39. Otar E.S., Kim G.N., Sadvokasova A.K., Nakipbayeva Zh.A., Komirtai A.E. Women of Ethnic Communities as Channels of Reproduction and Formation of Civic and Ethnic Identity: The Case of Turkistan Region and Shymkent City. Astana: Institute of Applied Ethnopolitical Research, 2024. 284 p.
40. Kim K.-D. Selective Modernization and Alternative Modernities: In Search of an Alternative Theory // **National Academy of Sciences Journal of Humanities and Social Sciences**. 2008. Vol. 47. No. 2. – P. 105–161

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Эльмира Сәкенқызы Отар	Директор Центра исследований семейной и гендерной политики НАО «Казахстанский институт общественного развития», Астана, Казахстан e-mail: Ot_el@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8803-4592
Алем Жекенқызы Несипбаева	Докторант 3 курса образовательной программы «Социология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: nesipbaevaalem1980@gmail.com, ORCID ID: 0009-0008-7843-8236.
Аяулым Ерланқызы Мантаева	Докторант 2 курса образовательной программы «Социология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: mantaeva-ae@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-0825-4193.
Эльмира Сәкенқызы Отар	Отбасы және гендерлік саясатты зерттеу орталығының директоры, «Қазақстандық қоғамдық даму институты» КеАҚ, Астана, Қазақстан, e-mail: Ot_el@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8803-4592
Алем Жекенқызы Несіпбаева	«Әлеуметтану» білім беру бағдарламасының 3-курс докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, e-mail: nesipbaevaalem1980@gmail.com, ORCID ID: 0009-0008-7843-8236.
Аяулым Ерланқызы Мантаева	«Әлеуметтану» білім беру бағдарламасының 2-курс докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, e-mail: mantaeva-ae@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-0825-4193.
Elmira Sakenkyzy Otar	Director of the Center for Family and Gender Pollicy Research, NCJSC «Kazakhstan Institute of Public Development», Astana, Kazakhstan. e-mail: Ot_el@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-8803-4592
Nesipbayeva Alem Zhakenkyzy	Third-year doctoral student of the educational program «Sociology», L.N. Gumilyov Eurasian National UniversityAstana, Kazakhstan, e-mail: nesipbaevaalem1980@gmail.com, ORCID ID: 0009-0008-7843-8236.
Ayaulym Mantayeva Yerlankyzy	Second-year doctoral student of the educational program «Sociology», L.N. Gumilyov Eurasian National UniversityAstana, Kazakhstan, e-mail: mantaeva-ae@mail.ru, ORCID ID: 0009-0000-0825-4193.